

КОЛОКОЛЬНЯ ХУТЫНСКОГО МОНАСТЫРЯ В НОВГОРОДЕ (ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ)

Один из древнейших и наиболее почитаемых новгородских монастырей — Спасопреображенский Хутынский — еще не стал предметом специального научного исследования. Изучение его истории и архитектуры осложняется тем, что монастырский архив в целостном виде не сохранился. Находящиеся в различных архивах Москвы, С.-Петербурга и Новгорода отдельные дела — лишь небольшая доля огромного архива, большая часть которого, вероятно, безвозвратно погибла. Тем не менее, они позволяют, хотя и со значительными лакунами, представить историю монастыря и эволюцию архитектурного ансамбля в разные исторические периоды. Каждая из построек монастырского комплекса, как не сохранившаяся, так и дошедшая до нашего времени, заслуживает интереса и отдельного исследования: и Спасопреображенский собор (как древний XII в., так и существующий ныне XVI в.), и церковь Варлаама Хутынского с трапезной XVI в., требующая неотложной реставрации, и две уникальные столпообразные церкви «под колоколы» XV и XVI вв., разобранные в разное время.

Темой данной статьи является история и архитектура надвратной колокольни, возведенной в XVIII в. в стиле барокко. В Новгороде и окрестностях сохранилось всего несколько построек этого времени. Они представляют собой весьма разнородное и разнотильное явление (Входоиерусалимский собор в Кремле, церковь Георгия на Торгу и др.).

В дореволюционной и современной научной и научно-популярной литературе встречаются лишь краткие упоминания о Хутынской колокольне.¹ Сведения по истории ее строительства содержатся в исторической справке, составленной С. И. Сивак и посвященной Хутынскому монастырю. Ею впервые был выявлен ряд ценных архивных документов.²

Начало строительства колокольни относится к 1758 г. Эта дата абсолютно точно определяется по документу, хранящемуся в РГИА, ведомости, подписанной архимандритом Хутынского монастыря Парфением в 1759 г. о расходе денег за 1758 г. из суммы в 7190 р., переплаченной крестьянами на строительные работы в монастыре.³

Самая большая сумма (4857 р. 60 к.) была выплачена по контракту С.-Петербургскому купцу Дмитрию Евдокимову за отлитый из собственного материала колокол весом 552 пуда для новой колокольни.⁴ Куз-

¹ *Амаросий*. История Российской иерархии. М., 1815. Ч. 6. С. 613; *Грабарь И. Э. Д. В. Ухтомский и московская архитектура середины XVIII в.* // Русская архитектура первой половины XVIII в. М., 1954. С. 388, 397—398; *Михайлов А.* Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М., 1954. С. 328.

² *Сивак С. И.* Комплекс Хутынского монастыря близ Новгорода (Архив НФИ СПр, д. Р-1886, 1985, т. 1, кн. 1).

³ РГИА, ф. 796, оп. 36, д. 184, л. 1—18.

⁴ Этот колокол упоминается в описи монастыря за 1782 г. (ОПИ НГМ, д. 11795, л. 57—57 об.). В описях же 1856—1864 гг. и 1924 г. самым большим колоколом весом в 484 пуда 30 фунтов значится колокол, отлитый в 1796 г.

нец Тихвинского посада Василий Рогачев выковал для колокола язык из сибирского железа, за что получил 60 р. У посадского человека г. Новгорода Василия Малахова монастырские власти купили «к перестройке... вновь колокольни и в приписном Ксенофонтове монастыре церкви на связи железа сибирского прутового» 500 пудов. Еще 500 пудов приобрели у Федора Аксенова — приказчика уральских заводов, принадлежавших известному предпринимателю Никите Демидову. Он сопровождал барки, которые следовали по Волхову в С.-Петербург. За две барки извести-круши новгородский купец Семен Коневалов получил 416 р. 27 к. По контракту, «учиненному с крестьянином Григорием Семеновым Беляевым» — жителем деревни «Чеснова Пошехонского уезда Ярославской провинции», «за делание под новостроящуюся колокольню фундамента, которого мерою 75 сажен...», было выплачено 112 р. 50 к. Всего в дело за строительный сезон пошло 290 тыс. кирпичей. Документ не оставляет сомнений в том, что в 1758 г. был сделан фундамент и выложена часть стен.⁵ Стилистический анализ постройки подтверждает эту дату.

Начатые в 1758 г. строительные работы были продолжены в последующие три года, что подтверждается несколькими документами. В 1759 г. «архитектуры поручик» Петр Обухов получает ордер «от его светлости генерал-фельтмаршала и кавалера князя Никиты Юрьевича Трубещкого о бытии... при строении в Хутыне монастыре».⁶ Но выехать из Москвы П. Обухов смог только в 1760 г. В Новгороде он пробыл до декабря 1761 г.⁷ В 1759—1760 гг. П. Обухов служил в команде знаменитого московского архитектора Д. В. Ухтомского.

Документы не позволяют сделать вывод о том, что П. Обухов являлся автором проекта колокольни, скорее, наоборот: он вел наблюдение за строительными работами по проекту, исполненному более опытным и профессионально подготовленным архитектором. П. Обухов в 1758—1759 гг. был только начинающим архитектором, о чем свидетельствуют документы, обнаруженные А. Михайловым, автором монографии о Д. В. Ухтомском и его школе, и М. В. Дьяконовым, собравшим большой материал о жизни и творчестве московских зодчих.⁸ Мне удалось найти в РГАДА несколько неизвестных ранее документов, которые позволяют расширить представление о творческой судьбе одного из представителей славной плеяды московских зодчих.

В 1750 г. П. Обухов упоминается в донесении Д. В. Ухтомского как ученик основанной им архитектурной школы.⁹ Как удалось установить, в 1754 г. последовал указ «ея императорского величества самодержицы

Судьба самого большого колокола 1758 г. остается загадкой (ОПИ НГМ, д. 12087, л. 4об.; ГАНУ, ф. Р-218, оп. 1, д. 433, л. 1).

⁵ Дату строительства колокольни — 1736 г., указанную в статье И. Э. Грабаря, следует признать ошибочной (см.: *Грабарь И. Э. Д. В. Ухтомский и московская архитектура середины XVIII в. С. 397—398*).

⁶ РГАДА, ф. 297, оп. 1, д. 52, л. 1.

⁷ Там же, д. 969, л. 1.

⁸ *Михайлов А.* Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. С. 174, 255, 300, 312, 328; *Дьяконов М. В.* К биографическому словарю московских зодчих XVIII—XIX вв. // *Русский город: (Исследования и материалы)*. М., 1982. Вып. 5. С. 130.

⁹ *Михайлов А.* Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. С. 255.

Всероссийской и с правительствующаго Сената архитектору князю Ухтомскому» об определении ученика П. Обухова из «полицмейстерской» канцелярии в команду Ухтомского.¹⁰ Указ подписан собственноручно Василием Адоуровым, первым русским академиком, выходящем из новгородских дворян. В 1754 г. П. Обухов был, таким образом, учеником архитектуры и после учебы только приступил к работе. Будучи учеником архитектурной школы и после ее окончания (1750—1757), Обухов снимал планы дворов Москвы, т. е. занимался обмерными чертежами под наблюдением своего учителя Д. В. Ухтомского. В 1755 г. он исполнил планы и фасады древних трехэтажных палат близ Чудова монастыря, которые собирались перестроить под ризницу и библиотеку Синода.¹¹ В связи с этим почти невозможно предположить, чтобы начинающего архитектора могли допустить к проектированию такой сложной с точки зрения конструктивного и архитектурного решения постройки, как надвратная колокольня.

Дальнейшая судьба зодчего представляется следующим образом. Когда после возвращения в декабре 1761 г. в Москву П. Обухов явился в сенатскую контору, его учитель Д. В. Ухтомский был уже отстранен от руководства командой. Как считает А. Михайлов, он явился жертвой интриги и, хотя позднее после длительной проверки Ревизионной комиссией был полностью оправдан, к делам более не вернулся, работая только по частным заказам. Несмотря на опалу, всесильный сенатор Н. Ю. Трубецкой в 1762 г. привлек Ухтомского к постройкам для коронационных торжеств в честь восшествия на престол Екатерины II. В качестве помощника Ухтомский пригласил П. Обухова. Ему было поручено проектирование и строительство деревянных триумфальных ворот на Тверской, а также трона и галереи в Кремле.¹² Дата участия П. Обухова в «комиссии высочайшей ея императорского величества коронации» подтверждается упомянутым выше документом, обнаруженным мною в РГАДА.¹³ Из этого же документа становится известно, что в 1762 г. после коронационных торжеств П. Обухов по указу Сената направляется в команду П. Р. Никитина, который заменил Д. В. Ухтомского на этом посту.

22 августа 1763 г. генерал-аншеф Фермор, командированный Екатериной II в Тверь «для возобления погоревшего города», потребовал прислать в помощь архитектору Петру Никитину «архитектуры порутчиков» Петра Обухова и Матвея Казакова.¹⁴ Вместе с П. Никитиным и М. Казаковым П. Обухов занимается разработкой проектов построек для Твери. Тогда же, в 1763 г., вышел указ Екатерины II «по засвидетельствованию архитекторов Ивана Мичурина с товарищи, так и за особливую к науке и к своей должности прилежность дать чины порутчикам Андрею Селевину и Петру Обухову капитанской и именоватца заархитекторами...».¹⁵

¹⁰ РГАДА, ф. 297, оп. 1, д. 100, 1754, л. 1.

¹¹ Михайлов А. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. С. 174; Дьяконов М. В. К биографическому словарю... С. 130.

¹² Михайлов А. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. С. 239.

¹³ РГАДА, ф. 297, оп. 1, д. 969, л. 1.

¹⁴ Михайлов А. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. С. 312; РГАДА, ф. 297, оп. 1, д. 1026, л. 1.

¹⁵ РГАДА, ф. 297, оп. 1, д. 1032, л. 1.

Спустя три года, в 1766 г., Обухов, уже сложившийся архитектор, способный к самостоятельной работе, получает назначение в Смоленск.¹⁶

Удалось установить отчество архитектора и в связи с этим доказать его родство с известным московским зодчим Василием Саввичем Обуховым, дворянином по происхождению.

Известно, что племянник Василия Саввича Иван Иванович Обухов, один из многочисленных учеников школы Ухтомского, жил в доме дяди во время своей учебы.¹⁷ Петр Иванович Обухов приходился, таким образом, братом Ивану Ивановичу и племянником Василию Саввичу.¹⁸

Уважительно «архитектуры поругчик» Петр Иванович назван в документе из фонда Юрьева монастыря за 1761 г. И хотя фамилия его не упомянута, но сомнений нет, что речь в данном случае может идти только о нем.¹⁹ Власти Юрьева монастыря пригласили П. Обухова для «освидетельствования» работы каменщиков, которые выкладывали стены большого трапезного корпуса. Таким образом, в Новгороде работа Обухова не ограничивалась только Хутынским монастырем.

Но если участие П. Обухова в строительстве колокольни Хутынского монастыря сводилось к непосредственному наблюдению за ходом строительных работ, то кто же являлся автором проекта? На этот вопрос можно ответить лишь предположительно.

В строительстве колокольни проявил личную заинтересованность сенатор князь Н. Ю. Трубецкой, который, не имея отношения к синодальному ведомству, выдал ордер П. Обухову для поездки в Новгород. Н. Ю. Трубецкой происходил из знатного рода, который вел свое происхождение от литовских князей Гедимина и Ольгерда. Один из предков Трубецкого Андрей Васильевич в XVI в. служил воеводой в Новгороде. Иван Юрьевич Трубецкой Большой (возможно, брат Никиты Юрьевича) любимец Петра I,²⁰ доживший до 1750 г., в конце XVII в. был новгородским наместником. Его имя значилось в соборной книге новгородского Знаменского собора среди вкладчиков, на средства которых вновь выстроенный храм был украшен великолепным резным иконостасом.²¹ Род Алексея Никитича Трубецкого записан в синодик Антониева монастыря.²²

В течение многих лет Н. Ю. Трубецкой покровительствовал Д. В. Ухтомскому, который с 1747 по 1760 г. возглавлял команду московских зодчих и основал в Москве архитектурную школу. Д. В. Ухтомский под надзором Н. Ю. Трубецкого занимался перестройкой древних палат вотчинной коллегии для канцелярии Сената, по собственному проекту перестраивал дом Лестока в Немецкой слободе для помещения Сената. Вероятно, он же «сочинил» и проект усадьбы

¹⁶ Михайлов А. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. С. 328.

¹⁷ Дьяконов М. В. К биографическому словарю... С. 129—130.

¹⁸ Мнение И. Грабаря о том, что П. Обухов являлся однофамильцем В. С. Обухова, следует считать ошибочным (*Грабарь И. Э. Д. В. Ухтомский и московская архитектура середины XVIII в.* С. 268).

¹⁹ РГАДА, ф. 1208/4, оп. 1, д. 36, л. 291.

²⁰ Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1901. Т. 33. С. 919.

²¹ Тихомиров П. Историческое описание Новгородского Знаменского собора. Новгород, 1889. С. 20.

²² ОПИ НГМ, д. 30056—263, л. 10.

Н. Ю. Трубецкого в Москве. Сохранился альбом с видами усадьбы, исполненный самым талантливым учеником Д. В. Ухтомского П. Р. Никитиным. Этот альбом Д. В. Ухтомский преподнес Н. Ю. Трубецкому с надписью, в которой он назвал известного вельможу «своим высоким протектором». Как считает А. Михайлов, Д. В. Ухтомский отчитывался за свои работы, минуя все инстанции, перед Сенатом, в котором Н. Ю. Трубецкой занимал важный пост генерального прокурора. Даже после отстранения архитектора от дел, Н. Ю. Трубецкой продолжал поддерживать с ним дружеские отношения.²³

Личная заинтересованность Н. Ю. Трубецкого в строительстве Хутынской колокольни, дружба его с Д. В. Ухтомским, участие в практическом строительстве П. Обухова, а также высокий уровень архитектурного мастерства двух нижних ярусов, приближающийся к столичному, позволяют предположить, что автором проекта был сам Д. В. Ухтомский.

Стилистический анализ постройки и внимательное изучение документов позволяют высказать еще одно предположение о том, что проект не был реализован в полной мере. Уже при первом взгляде на колокольню бросается в глаза несоразмерность ее объемно-пространственной композиции. Два массивных, почти равных по размерам четверика по архитектурной логике должны нести не менее двух ярусов, а вместо этого завершаются маленьким четвериком. Создается впечатление, что из-за недостатка средств ограничились возведением лишь верхнего яруса без промежуточных, и то в упрощенном варианте с заменой колонн на пилястры. Архитектура нижних четвериков выдает высокий профессионализм как автора проекта, так и практиков-строителей. Использование колонн как главного элемента архитектурной декорации для провинции было явлением редким в середине XVIII в., когда опытных зодчих было еще очень мало. Да и в столичных городах колонны возводились только в наиболее представительных постройках: дворцах, триумфальных арках, колокольнях больших монастырей. И лишь позднее, в период классицизма колонные портики стали делом обычным и в провинциальной архитектуре. Прекрасно выполненные колонны с базами и капителями, резные белокаменные картуши с маскаронами в виде человеческого лица над проездными арками (рис. 1), сложный изящный рисунок ниш и наличников — все это говорит о неординарности проекта и знании архитектором традиций европейской архитектуры. В нижнем четверике устроены большие ворота, ведущие в монастырь с юга — со стороны города. Архитектурное решение его напоминает триумфальные арки для коронационных торжеств. Архитектура верхнего четверика значительно упрощена. Сдвоенные пилястры фланкируют большие проемы для колокольного звона. И только профилированный развитый карниз с лучковыми подвышениями отвечает барочному характеру постройки.

Нижние четверики, по-видимому, были сооружены в соответствии с проектом в первый строительный период 1758—1761 гг. П. Обухову не удалось завершить строительство. По каким-то причинам работы были приостановлены. По сведениям ряда документов, которые полностью совпадают с мнением Амвросия, автора «Истории Российской иерархии», колокольня была возведена при архимандрите Лаврентии

²³ Михайлов А. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. С. 62, 66, 184.

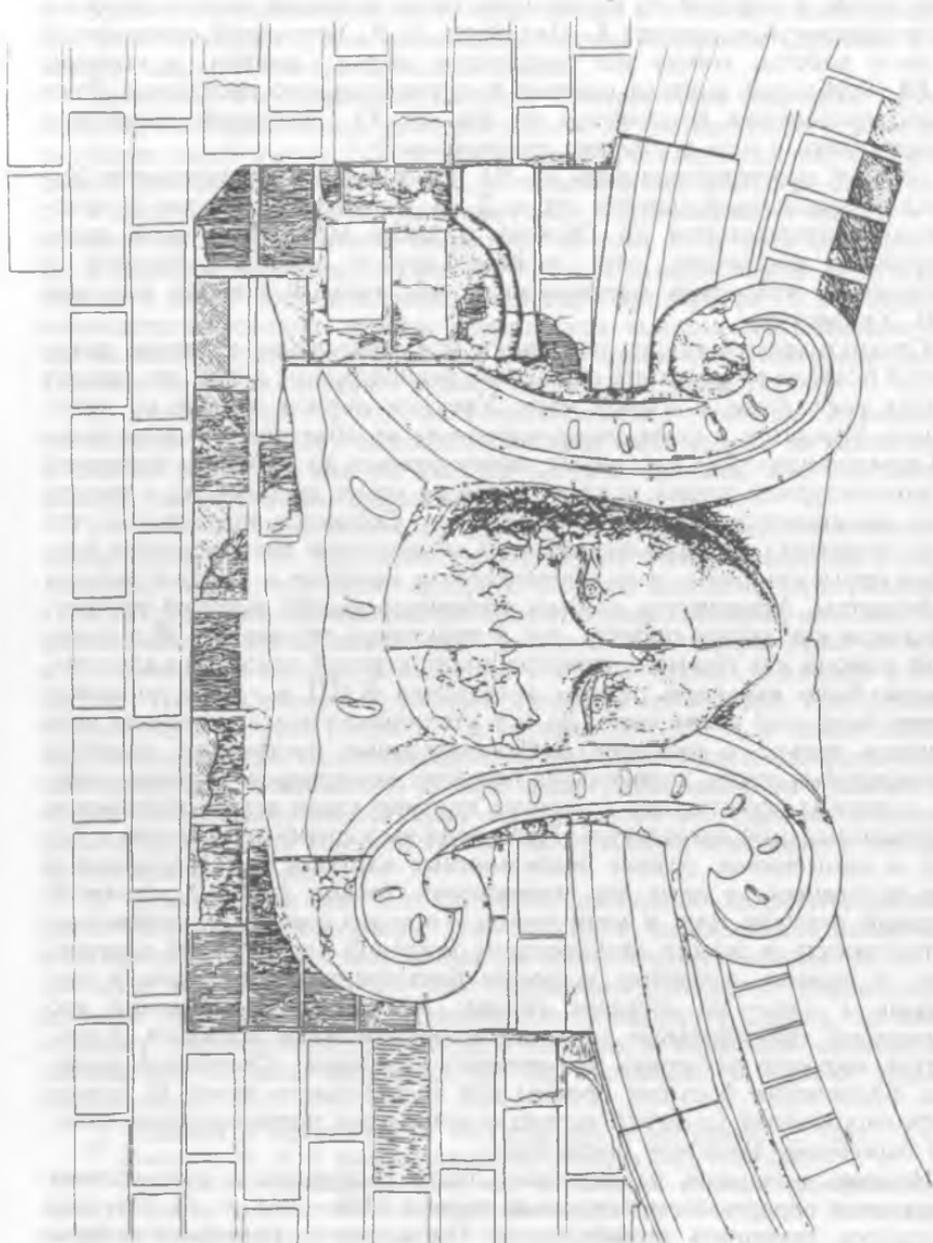

Рис. 1. Маскароны над проездной аркой (западный фасад). Объемный чертёж 1991 г. Архитекторы Л. Миклина, В. Ястребова.

Барановиче. В описи монастыря середины XIX в. об этом событии сообщается следующим образом: «При архимандрите Лаврентии Барановиче вместо прежней колокольни, неизвестно когда и кем устроенной, на юго-восточной стороне соборного храма заложена и устроена колокольня над южными воротами монастыря».²⁴ Амвросий также относит начало возведения колокольни ко времени игуменства Лаврентия: «Колокольня не совсем оконченная, начата строением при архимандрите Лаврентии, на ней колоколов 17».²⁵ Лаврентий Баранович был переведен из Антониева монастыря в 1767 г. и продолжал оставаться архимандритом в Хутины до 1774 г.²⁶ На одной из металлических связей верхнего яруса удалось прочесть дату — 1774 г. В связи с этим можно считать, что строительство колокольни было завершено не ранее 1774 г.

Амвросий, а вслед за ним и авторы описей XIX в. ошибались, полностью относя возведение колокольни к 1760—1770 гг., в то время как это был второй строительный период, когда был возведен малый четверик. Довольно длительный перерыв в строительстве можно объяснить недостатком средств, необходимых для таких масштабных работ: власти Хутынского монастыря одновременно вели строительство церкви в приписном Ксенофонтове монастыре, украшали богатой лепниной интерьер Спасопреображенского собора и пополняли монастырскую ризницу.²⁷ Недостаток средств особенно обнаружился после проведенной в 1764 г. Екатериной II секуляризации монастырских земельных владений. Монастырям государство определило денежные выплаты в соответствии с установленным для них рангом. И хотя Хутынский монастырь был причислен к 1-му классу (9-я степень), позволить себе большой размах строительства он уже не мог. По этой причине, как можно предполагать, проект оказался до конца не реализованным. Во второй строительный период ограничились сооружением маленького четверика. Не случайно Амвросий высказал мысль о неоконченности колокольни. Возможно, в начале XIX в. сохранился в архиве проект колокольни, о котором мог знать Амвросий.

За время своего существования постройка до некоторой степени изменила первоначальный архитектурный облик в связи с ремонтами. Большой комплекс ремонтных работ и кардинальных перестроек в монастыре был осуществлен в 1820-е гг. В 1822—1823 гг. губернский архитектор (в то время эту должность занимал И. Дмитриев) выполнил планы и фасады зданий с указанием необходимых с его точки зрения переделок и составил смету.²⁸ Сметой предусматривалось «для исправления колокольни извести круши 65 бочек», а каменщикам «за исправление в разных местах стен» предполагалось выплачивать 400 р. Работы начались только в 1825 г., когда были отпущены деньги в сумме 56 тыс.

²⁴ ОПИ НГМ, д. 12087, 1856—64, л. 3. Почти дословно эта запись повторена в описи 1894 г. (ГАНУ, ф. 603, оп. 1, д. 18, л. 2).

²⁵ Амвросий. История Российской иерархии. С. 613.

²⁶ Там же. С. 644.

²⁷ РГИА, ф. 796, оп. 36, д. 184, л. 4, 7. В документе упоминается о покупке алебаstra для украшения собора и приобретении парчи на шитье риз.

²⁸ РГИА, ф. 796, оп. 103, д. 613, л. 1—11. Чертеж И. Дмитриева хранится в архиве Новгородского музея (ОПИ НГМ, д. 4896). Но колокольня на этом большом чертеже не показана.

725 р.²⁹ Строительная комиссия, принимавшая работы в 1829 г. (а починки были самые разные: каменные, штукатурные, плотничные, столярные, кузнечные, кровельные, печные, живописные), доносила митрополиту Серафиму, что «работа произведена хороша везде, а притом всеми, смотря по месту, одна другой сделана лучше».³⁰

В 1924 г. комиссия во главе с уполномоченным новгородского исполкома А. Е. Таракановым, обследовав Хутынский монастырь, составила акт, в котором рекомендовала коллективу верующих в очередной строительный сезон произвести ремонт храма, а также заменить балку, на которой висит большой колокол, в связи с ее аварийным состоянием.³¹

Здание сильно пострадало в годы Великой Отечественной войны. Обрушился юго-восточный угол постройки от прямого попадания снарядов, рухнул купольный свод, полностью утрачена кровля. В годы войны немцы устроили в монастыре мощный укрепленный пункт, и поэтому бои в Хутыни были тяжелыми.

В 1993 г. начаты реставрационные работы на памятнике: под руководством Г. П. Никольской архитекторами Л. Миклиной и Л. Корчагиной выполнены обмеры постройки, проведены натурные исследования.

На основе натурального исследования можно говорить о следующих утратах и изменениях в архитектурном облике здания. Почти полностью утрачен купольный свод. Не сохранилась парапетная стенка, завершавшая фасады среднего четверика. Треугольные фронтоны составляли вместе с парапетом единое композиционное целое. На существование парапета указывают торчащие по сторонам от фронтонов металлические связи. Они были скрыты под кровлей XIX в. Парапет ограждал также гульбище-площадку вокруг малого четверика. Она использовалась, по всей видимости, для раскочки колоколов. Не сохранились заполнения дверных и оконных проемов (рис. 2).

Изучение аналогий (главным образом построек, связанных с Д. В. Ухтомским и его учениками) позволит в будущем выполнить графическую реконструкцию колокольни на первоначальную дату. По этому поводу можно высказать некоторые предположения. Большие проемы второго яруса имели, скорее всего, решетчатое ограждение в виде кувшинообразных балясин, как в третьем ярусе колокольни Троице-Сергиева монастыря (авторы проекта И. Я. Шумахер, Д. В. Ухтомский), церкви Никиты Мученика на Старой Басманной улице (предположительно авторство Д. В. Ухтомского).³² На подвышениях раскрепованных карнизов над колоннами первого яруса могли быть установлены вазоны — характерный мотив украшения середины XVIII в. Парапет второго яруса, скорее всего, был решен как сплошная каменная стена, углы которой могли быть украшены вазонами (колокольни Троице-Сергиева монастыря, церкви Воскресения на Монетчиках, церкви Параскевы Пятницы на Пятницкой улице в Москве и церкви Никиты Мученика на Старой Басманной).³³

²⁹ РГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7931, л. 1—7.

³⁰ Там же, ф. 802, оп. 1, д. 3937, л. 33, 33 об.

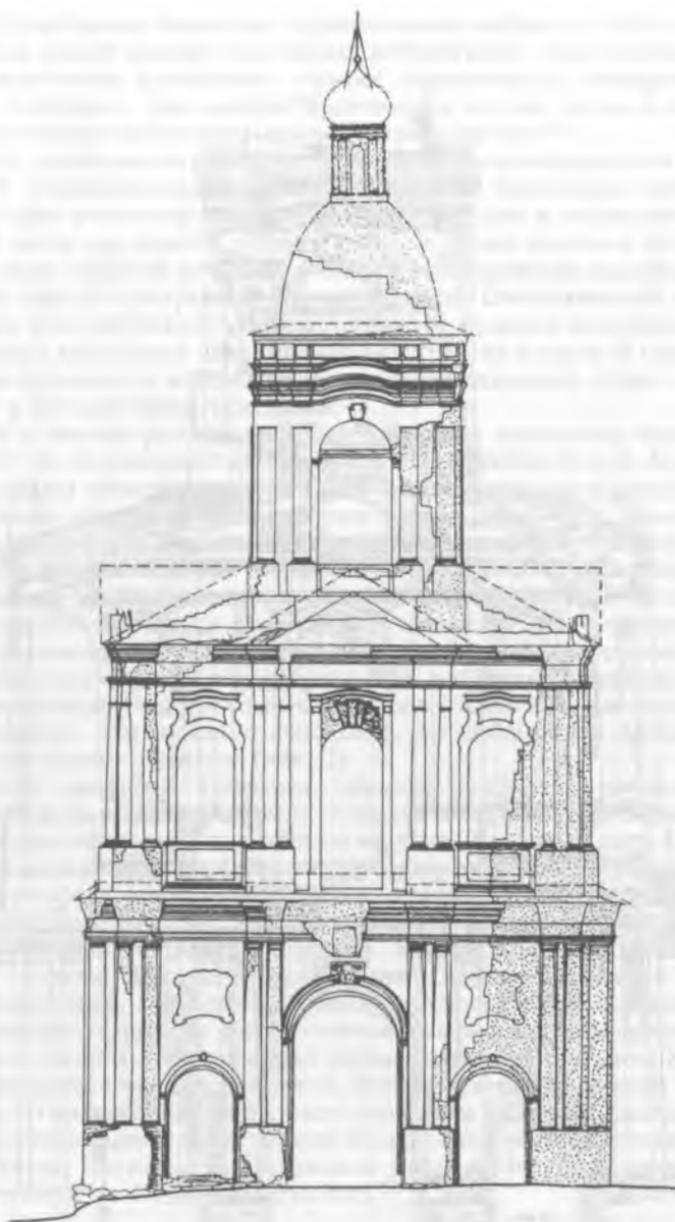
³¹ ГАНУ, ф. Р-218, оп. 1, д. 433, л. 11 об., 12, 35 об.

³² *Грaбaрь И. Э. Д. В. Ухтомский и московская архитектура середины XVIII в. С. 388.*

³³ *Ильин М., Моисеева Г. Памятники искусства Советского Союза: Москва и Подмоскoвье: Справочник-путеводитель. М., 1979. Ил. № 216, 319;*

Рис. 2. Южный фасад. Обмерный чертеж 1994 г. Архитекторы Л. Миклина, Л. Корчагина.

- Утраты
 Восстановление завершений II-го и III-го ярусов на XIX в.

Рис. 3. Южный фасад. Обмер с реконструкцией утраченных в годы Великой Отечественной войны архитектурных форм.
 Архитектор Л. Миклина. 1994 г.

Четырехгранный купол, как можно предполагать, первоначально был декорирован люкарнами — слуховыми окнами, обрамленными наличниками. Люкарны (настоящие и ложные, имитирующие слуховые окна в кровле) существовали практически во всех постройках стиля барокко (колокольни Донского монастыря в Москве, кафедрального собора в Смоленске, Никиты Мученика в Москве, церкви Доминиканцев во Львове и т. д.).³⁴ Окна с арочным завершением были мелкой квадратной расстекловки. В арочном проеме решетка была сделана в форме расходящихся лучей, рассекающих полукружия (одно или два). Овальные окна (на торцевых фасадах) также имели решетки в виде расходящихся из центра лучей с одним или двумя овалами в центре, повторяющими форму проема (колокольня церкви Благовещения в Москве, собор Смольного монастыря и Никольский Морской собор в С.-Петербурге).³⁵

После реставрации колокольня XVIII в. займет достойное место в уникальном ансамбле Хутынского монастыря (рис. 3).

Грабарь И. Э. Д. В. Ухтомский и московская архитектура середины XVIII в. С. 260, 388.

³⁴ *Трубников А. Прогулка по Львову (впечатления) // Старые годы. 1915. Апрель—май. С. 10; Исторический очерк Смоленска. СПб., 1894. С. 35; Грабарь И. Э. Д. В. Ухтомский и московская архитектура середины XVIII в. С. 396.*

³⁵ *Виппер Б. Р. Петербургская архитектура середины XVIII в. // История русского искусства. М., 1969. Т. 5. С. 201, 216; Памятники архитектуры Москвы: Кремль. Китай город. Центральные площади. М., 1982. С. 132.*